

УДК 94.574.

МРНТИ 03.91.23

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2025.99(3).128

¹Абдуалы А.Б., ²Токболат С.Т., ³Рахметулла Ш.Т.

^{1,2} **Международный Таразский университет им. Шерхана Муртазы.
Тараз, Казахстан.**

³ **Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева.
Астана, Казахстан.**

E-mail: seiltokbolat@gmail.com; askar.abdualy@mail.ru

РОЛЬ КОКАНДСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ ДЖУЛЕК В ПРОДВИЖЕНИИ РУССКИХ ВОЙСК В ТУРКЕСТАНСКИЙ КРАЙ (1858-1861 гг.)

Аннотация. В статье анализируется военно-стратегическое и политическое значение кокандского укрепления Джулек в контексте продвижения Российской империи в Туркестанский край в 1858–1861 гг. На основе анализа архивных источников (РГВИА, ЦГА РК), мемуарной и научной литературы, а также записок военных и административных лиц, исследуется роль Джулека как ключевого звена в реализации имперской стратегии соединения Сырдарьинской и Сибирской линий. Особое внимание уделено участию казахской родоплеменной аристократии и разведывательной агентуры, активно содействовавших российским войскам в информационном и логистическом обеспечении кампаний. В статье утверждается, что укрепление Джулек представлено не как периферийный пункт, а как важнейший опорный элемент военной инфраструктуры, предопределивший успех последующего наступления на Ташкент. Работа демонстрирует, что недооценка значения подобных укреплений в традиционной историографии требует пересмотра взглядов на механику имперской экспансии в Центральной Азии.

Ключевые слова: Джулек; Акмечеть; Российская империя; Туркестанский край; военная логистика; степная война; казахская элита; казахские султаны; разведка; Кокандское ханство; степные походы.

Введение

История военного продвижения Российской империи в Среднюю Азию во второй половине XIX века зачастую излагается в виде линейной хроники перечисления взятых крепостей и построенных укреплений. Однако подобный подход существенно упрощает и нивелирует глубинные процессы, сопровождавшие военную экспансию. Каждое завоёванное или вновь возведённое укрепление не было лишь географической точкой на карте оно представляло собой важнейший стратегический элемент в сложной системе имперской военной логистики и управления.

Фортпосты, играли роль не только оборонительных позиций, но и становились узловыми пунктами снабжения, дислокации войск, сбора разведанных, взаимодействия с местным населением, а также опорными точками для последующего наступления. Эти укрепления нередко формировали рамки будущего административного и политического устройства присоединённых территорий. Тем не менее, в ряде популярных изложений упускается контекстуальное значение таких объектов, их роль в стратегии по установлению контроля над степными и оазисными регионами Средней Азии.

В отечественной и зарубежной военной историографии по истории российской экспансии в Средней Азии преобладает внимание к таким ключевым укреплениям, как форт Раим, Перовск, Верное и т.п. Между тем, один из главных фортпостов в военной истории России, кокандское укрепление Джулек, несмотря на свою стратегическую роль в обеспечении государственной границы, как правило, остаётся вне поля зрения исследователей. В научных работах оно упоминается крайне редко, а его значимость в контексте военно-стратегического планирования Российской империи во второй половине XIX века зачастую игнорируется. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости комплексного анализа места и роли Джулека в системе российской пограничной политики и военных операций на южных рубежах империи.

Не мало важным фактором успеха русских военных кампаний в степных регионах стало формирование союзов с местным населением, прежде всего с казахскими султанами, родоплеменной аристократией и старшинами. Эти альянсы обеспечивали не только политическую лояльность на местах, но и позволяли организовать систему разведки и логистического снабжения, казахские посредники часто становились неотъемлемой частью военной стратегии империи, играя роль осведомителей, проводников и союзников в сложных условиях бескрайней степи.

Подобный принцип введения войны ярко выражается в рассуждениях «*О войне*» Карла фон Клаузевица, который исследуя природу и сущность войны подчеркивал важность осведомителей и информаторов из числа местного населения: «...мы имеем в виду не столько те единичные крупные и важные данные, о которых доносят агенты разведки, сколько бесчисленное множество мелких соприкосновений с неизвестностью, в которое вступает каждодневная служба армии». Именно в этой области, по отмечанию Клаузевица, альянс с местным населением даёт общее преимущество в военной стратегии. «*Каждый малый дозор, каждый полевой караул, каждый командированный офицер*» как пишет Клаузевиц «*все они за нужным им сведениями о неприятеле, о друзьях и врагах обращаются к местным жителям*» [1, с. 212].

В одном из самых ранних исследований по степной войне, опубликованной военным географом Михаилом Венюковым в 1860 году, подчеркивалась огромная польза степных укреплений и создания небольших фортов с подвижными гарнизонами. Венюков также отметил важность наличия казахских лазутчиков при отряде, которых можно было посылать в самые передовые разъезды. Описывая военную кампанию Сибирского корпуса в Заилийский край, Венюков писал, что «*успех движения отрядов на Чу и Иссык-Куль в 1859 и 1860 годах,*

немало зависел от своевременности получения всякого рода известий через казахов» [2, с. 287].

Таким образом, в настоящей статье анализируется значение кокандского укрепления Джулек, занятого русскими войсками в 1861 году (оно было уничтожено в ходе Акмечетской экспедиции в 1853 году русскими войсками), как ключевого звена в реализации политики России в Средней Азии. Его занятие предвосхитило активную фазу завоевания Туркестанского края, и вместе с другими укреплениями способствовало ослаблению власти Кокандского ханства. Именно Джулек стал тем опорным пунктом, без которого последующее продвижение русских войск вглубь Туркестанского края, в частности в направлении Ташкента, не имело бы ни логистической, ни оперативной основы.

На основе анализа архивных источников, докладов, писем военных и административных деятелей, а также с опорой на теоретические концепции военной стратегии, исследуется, каким образом военно-разведывательное и стратегическое значение Джулека предопределило успех дальнейшего продвижения Российской империи в Кокандское ханство. Особое внимание уделяется роли казахских союзников султанов, старшин и степной агентуры — чья поддержка и участие в обеспечении безопасности сыграли важную роль в организации кампании и укреплении позиций русских войск в преддверии полномасштабного наступления 1864 года.

Материалы и методы исследования

В работе применён комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы исторической реконструкции, источниковедческого анализа и сравнительно-исторического метода. Основу исследования составляют архивные документы, мемуарные свидетельства, аналитические записки военных и административных лиц, посвящённые завоеванию Средней Азии во второй половине XIX века.

Особое внимание уделено анализу фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), содержащих служебную переписку, разведывательные донесения, и доклады генералов. Эти источники позволили воссоздать не только хронологию военных действий, но и оценить военно-стратегические мотивы, стоящие за занятием укрепления Джулек.

Метод контекстуального анализа был использован для осмысления политики Российской империи в отношении приграничных территорий и местного населения, включая практику создания союзов с казахскими султанами и старшинами. Сравнительно-исторический подход применялся при сопоставлении различных вариантов соединения Сырдарьинской и Сибирской линий, предложенных в записках военных стратегов и реализованных в ходе кампаний 1858–1861 годов.

Теоретическую основу исследования составили труды по военной теории, в частности идеи Карла фон Клаузевица о значении союзов с местным населением и разведывательной деятельности в условиях войны, что делала на практике Российская империя в отношениях казахского общества.

Таким образом, совмещение эмпирических источников и теоретических интерпретаций позволило комплексно рассмотреть значение укрепления Джулек в контексте имперской военной стратегии и приграничной политики России в Средней Азии.

Результаты исследования

Крепость Джулек один из кокандских укреплений, имевших стратегическое значение для Российской империи в процессе завоевания Средней Азии во второй половине XIX века. Она располагалась на территории современного юга Казахстана, на пути между Оренбургской и Сибирской линиями, в долине реки Сырдарья, недалеко от Каратау. Крепость, по разным оценкам ученых-историков, была основана в первой четверти XIX века, во времена правления кокандского хана Умар-хана (1809-1822 гг.). В записке составленный полковником Кэмпеном «Сведения о кокандских крепостях в районе нижнего течения Сырдарьи» от 1-го марта 1828 г. Джулек характеризуется как небольшая крепость, обнесенная кругом каменной стеною нежженого кирпича [3, Л. 4-4 об.]. Войска в укреплении насчитывалось до 300 человек и крепость служило в основном для собирания пошлин с идущих из Троицка в Бухару и Коканд торговых караванов [3, Л. 9-9 об.].

В июле 1853 года, в ходе военной кампании против крепости Акмечеть, с целью рекогносцировки местности, генерал-адъютантом В.А. Перовским, к стенам Джулека был выслан русский отряд с личным конвоем генерал-майора Подурова. Находившийся при отряде капитан Алексей Макшеев, остановившись в 15-ти км. от крепости пригласил к себе видных людей из числа местных казахов и собрал сведений касательно численности гарнизона крепости. Позже к начальнику Джулека был отправлен казах Тургай для сообщения о приближении русских сил, посоветовав ему оставить крепость без боя. Таким образом, кокандцы оставив Джулек без боя, направились сторону Тукестана [4, с. 205-206].

После занятия Джулека, крепость стала для отряда Падурова испытательным полигоном. Для решения определенных военно-стратегических задач в отношении крепости Акмечеть, в Джулеке проводились пушечные выстрелы и минные испытания, тем самым изучив периметр взрывной области для находений в безопасном расстояний. 25-го июля 1853 г. отряд выступил в обратный путь, к занятию Акмечети [4, с. 208-209]. Таким образом, Джулек потеряв свой облик оборонительного укрепления, оставался в полуразрушенном состояний.

С захватом Ак-Мечети и формированием Сырдарьинской линии стратегическая значимость укрепления Джулек в представлениях имперских военных и административных кругов начала неуклонно возрастать. Этот форпост стал рассматриваться как ключевой элемент в реализации более широкой задачи как соединения Оренбургской и Сибирской линий, что диктовалось логикой территориального и военно-стратегического закрепления Российской империи в Центральной Азии. Именно в контексте этого замысла необходимость овладения Джулеком приобретала всё большую актуальность. В течение последующего десятилетия укрепление Джулек постепенно превращалось из второстепенного

опорного пункта в основной плацдарм, играющий решающую роль в обеспечении дальнейшего продвижения российских войск к рубежам Кокандского ханства.

Вопрос о соединении линий стало одним из основных факторов занятия Джулека и постройки там нового русского укрепления. Извечная проблема с определением границы начало решаться еще до начала военной кампании В.А. Перовского. Ещё в 1851 году план объединения Оренбургской и Сибирской линий был представлен императору Николаю I генерал-адъютантом Николаем Николаевичем Анненковым в рамках его комплексного предложения, изложенного в «Обзоре Казахской степи». В нём он рекомендовал восстановить пикетные посты на линии от Аягоза до Акмолы, демонтированной в 1838 году после набегов казахского султана Кенесары Касымулы. Целью плана Анненкова было расширение оборонительного охвата Российской империи путём закрепления левого фланга за реками Или и Чу, а правого — за Сырдарьёй. Как и ожидалось, император одобрил этот план и запросил мнения у генерал-губернаторов Оренбургского и Западно-Сибирского краёв [5, с. 213-214].

Западно-Сибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд находя проект Анненкова удобным, для осуществления ее распорядился о проведении рекогносцировок по р. Чу, когда как мнение Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского была совершенно противоположной. Выразив несогласие о проекте соединении границы, Перовский утверждал, что формирования мобильных отрядов способных быстро реагировать на угрозы в степи, будут гораздо эффективнее стационарных форпостов. Император Николай I согласившись с мнением Перовского, повелел отложить до времени возведение Г.Х. Гасфортом укреплений на р. Или [5, с. 214].

После завоевания кокандской крепости Акмечеть в 1853 г., и с продвижением русских войск по Сыр-Дарье, очередной раз был поставлен вопрос о соединении линий. В начале 1854 года генерал-губернаторы Оренбургского и Западно-Сибирского краёв были вызваны в Санкт-Петербург для участия в совещании с военным министром, князем В.А. Долгоруковым. В ходе обсуждения генерал-губернатор Г.Х. Гасфорд выдвинул предложение о проведении новой оборонительной линии вдоль реки Сырдарьи до Туркестана, с последующим её продолжением через Боролдайские и Каратауские горы к верховьям реки Чу [5, с. 232].

Генерал-губернатор В.А. Перовский в целом поддержал концепцию, однако вновь указал на сложность текущей политической обстановки, необходимость детального обследования местности, а также значительные финансовые издержки, связанные с реализацией проекта. В связи с этим он настаивал на временном отложении строительства, чтобы не отвлекать ресурсы и внимание от планов по занятию Акмечетского острова и урегулирования отношений с местным населением. Император Николай I поддержал позицию Перовского, однако вместе с тем, предоставил Гасфорту разрешение на занятие Заилийской долины, верховий реки Чу и строительство укрепления на р. Алматы. В том же 1854 году было начато возведение данного укрепления, получившего название Верное [5, с. 232].

Один из ведущих экспертов по исследованию присоединения Средней Азии к Российской империи Н.А. Халфин писал, что несмотря принятое решение о соединении Оренбургской и Западно-Сибирской линий на заседании Особого комитета в 1854 г., реализация плана было прервано Крымской войной: *«...Эти линии не были соединены; их разделяло около тысячи километров территории, на которой кочевали казахские племена»*. В свою очередь, пользуясь отсутствием охраняемой границы, кокандские войска частенько вторгались в кочевья казахских племен, на что царские войска предпринимали эпизодические походы против их укрепления [6, с. 61].

Необходимость установления твердой границы отразилась и в воспоминаниях военного министра Дмитрий Алексеевича Милютина, управлявшего министерством в 1861-1881 гг. *«До 1864 года государственная наша граница в Средней Азии»* как пишет Милютин *«представлялась в совершенно ненормальном виде»*. Между двумя передовыми линиями, с одной стороны на низовья Сыр-Дарьи, а с другой Заилийский край, образовался большой промежуток степной местности, где граница, по отечанию Милютина, оставалось разорванной: *«...достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться в необходимости установления связи между двумя пограничными линиями, подведомственными двум разным начальствам – Оренбургского края и Западной Сибири»* [7, с. 512-513].

Свое видение по соединению линий выдвинул полковник Николай Павлович Игнатъев, отправившись в мае 1858 года в Среднюю Азию для топографических съемок р. Амударьи и заключения торговых договоров с Хивинским и Бухарским ханствами. В ходе своей дипломатической миссий, Н.П. Игнатъев выразил предложение в военное министерство и министерство иностранных дел, о необходимости занятия Туркестана и Ташкента, продвинувшись таким образом вперед, выйдя из пустынной местности [9, с. 58]. Такой подход облегчило и удешевило бы содержание степных укреплений, тем самым *«подчинив»* по замечанию Игнатъева *«всю киргизскую степь одному Генерал-Губернатору, а не двум»* [8, с. 260].

Рассуждений Н.П. Игнатъева о взятии Туркестана и Ташкента было поддержано новым оренбургским и самарским генерал-губернатором Александром Андреевичем Катенином, который одновременно с Игнатъевым, от 6 июля 1858 года, писал в Министерство иностранных дел, что *«...оставаться в таком положении мы решительно не можем, и занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и самое существование Сыр-Дарьинской линии»* [9, с. 204].

Более того, А.А. Катенином в Оренбурге была создана специальная комиссия для разработки общей внешнеполитической программы. Члены комиссии, основываясь на материалах, собранных при посещении различных регионов Средней Азии призывали к скорейшему соединению Оренбургской и Сибирской линий. Один из членов комиссии генерал-адъютант Н.Г. Залесов в ходе работы комиссии, писал, что одна партия комиссии во главе полковников В.Д. Дандевилля и М.Г. Черняева призывали к захвату низовьев Аму-Дарьи, и

двигаться тем самым в направления Хивы. Другая партия комиссии во главе командующего Сыр-Дарьинской линией А.Л. Данзасом *«настаивали на соединении Сыр-Дарьинской линией с Сибирской, значит, на действиях к стороне Кокана... Катенин согласился с большинством, и тогда же решено было построить укрепления Джулек...»* [10, с. 28].

Позиция Данзаса о необходимости продвижений в сторону Джулека исходило из донесения начальника присырдарьинскими казахами и чиновника азиатского департамента МИД Иосифа Яковлевича Осмоловского, который еще в июле 1856 года охарактеризовал местность следующим образом: *«Все пространство от Яны-Кургана до Джулека и самого Берказанского протока безаульное»*. Это дает возможность, по отмечанию Осмоловского, укрепится русским на этой позиции, где кокандские летучие отряды *«безнаказанно производят воровство и угоны»* [11, Л. 140-141 об.]. Так, в письме Катенину от 29 января 1858 г. Данзас подчеркивал, что *«...я совершенно разделяю мнение господина Осмоловского о необходимости занять Джулек...»* [12, Л. 46]. В конечном итоге, комиссией, созванной Катенином в Оренбурге, было решено уделить основное внимание ташкентскому направлению, первым этапом по пути овладению которого должна была стать постройка укрепления Джулек.

Материалы работ комиссии Катенин представил в Петербурге, добиваясь тем самым предоставления широких полномочий и материальных средств для реализации намеченной программы. Так, оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин для решения извечной проблемы на границе, в письме от 6 декабря 1858 г. предложил в Петербург конкретную программу действий в Средней Азии, настаивав на завоевании кокандской крепости Джулек, и создания в нем форта для подготовки к выходу в Туркестан, Чимкент, и Аулие-Ата, с последующим движением к Ташкенту [13, с. 146]. На заседания высших чинов созванный в Петербурге в январе 1859 года, инициатива Катенина была поддержана западносибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфортом. Своё видение по соединению линий Гасфорт озвучил как продвижение по Сибирской линии, с целью захвата крепостей Пишпек, Токмак, Аулие-Ата и Сузак, чтобы *«объединить южную передовую линию Западного Сибирь с Оренбургом на Сырдарье [...] и таким образом получить твердую государственную границу»* [14, Л. 4-5 об.].

Учитывая первоначальные мнения о том, что Джулек не представлял для Императорского двора существенной ценности как самостоятельный пункт, Штабс-капитан Лев Лаврентьевич Мейер, представляя в записке укрепления, заслуженно отметил, что Джулек становится важным только в том случае, если Россия планирует продвигаться дальше по реке Сырдарья и соединит свои военные линии – Сибирскую и Сырдарьинскую. Тогда Джулек, по замечанию Мейера, лишь первый шаг в осуществлении политики России в Средней Азии. И высказывания о том, что наличие форта Перовского делает Джулек избыточным, не соответствуют стратегической логике кампании. Как пишет Мейер, скорее наоборот, без Джулека, форт Перовский не сможет выполнить свою стратегическую задачу. Отмечая важность занятия Джулека Мейер подытожил следующее: *«Ко всему сказанному полагаю надо прибавить, что занятие*

Джулека ни в каком случае не может считаться последним шагом по линии, и с этой точки зрения надо смотреть на него при возведении укрепления, иначе будет то же, что было прежде: обманутые надежды и упреки в потерянных трудах и капиталах» [15, Л. 24-27].

Между тем, в сентябре 1859 года, председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев писал Катенину о необходимости совершать военные действия не оставляя на потом. Как пишет Григорьев: *«Все изложенное сводится к следующему: потребностей нет ни в обладании дельтою Аму, не в занятии Ташкента, потребность чувствуется лишь в соединении сырдаринской линии с сибирской, что может быть осуществлено занятием Туркестана» [16, Л. 56].* Таким образом, по соображениям Григорьева, линия между двумя ведомствами должна была сомкнуться без занятий Ташкента, ограничившись лишь с захватом Туркестана, самого ближайшего от Джулека кокандского города.

Поспешность в реализации военной операции было связано с начавшейся в коканде политической смуты, между действующим ханом Худояром и его братом Малла-беком, неоднократно и ранее пытавшимся овладеть кокандским престолом. Россия, как и прежде стремилась воспользоваться данной политической нестабильностью как стратегическое преимущество.

В ноябре 1858 года, титулярный советник И.Я. Осмоловский докладывал Данзасу о начавшихся меж феодальной борьбы в Кокандском ханстве. Имеющий своих постоянных лазутчиков из числа казахов в Туркестане и Ташкенте, Осмоловский писал генерал-лейтенанту Данзасу, что свергнутый хан Худояр ныне скитается близ китайской границы, когда как новый хан в лице Малла-бека всеми силами старается укрепить свою новую власть в коканде. Осмоловский обращаясь Данзасу, выразил мнение что *«в настоящее время теряем... влияния на кокандцев, которое приобрели невольным вмешательством в их смуты»* и что бы не потерять это влияния полностью, счел необходимым *«принять решительные меры к прочному занятию края...»* [17, Л. 58-67 об.]. На основании вышеизложенного доклада, сведений собранные Осмоловским в форте Перовский были сразу представлены Данзасом к генерал-губернатору А.А. Катенину.

В свою очередь Осмоловский продолжал посредством казахских лазутчиков собирать сведения касательно Джулека. Одним из султанов имеющий связь с Осмоловским султан Тайшык Кенесарин, сын султана Кенесары Касымова, в письме от 14 июня 1860 года, писал, что *«в Кокане носят слухи о намерении нашем занять Джулек, но они не верят этому, говорят, что русские несколько лет уже хотят занять его, но до сих пор еще не приступали»*. Находясь в Ташкенте, султан Тайшык заверил Осмоловского сообщить о последствиях всех совещаний, на которое он будет вызван [18, Л. 25-25 об.].

Однако, начатая стратегическая программа действий Катенина, заключавшегося в продвижении через Джулек не было завершено. Скончавшийся в июле 1860 года Катенин не успел реализовать свои планы по объединению линий. После Катенина, руководства кампанией перешло к генерал-адъютанту Александр Павловичу Безаку, который продолжив начатый курс внес свои коррективы в тактику продвижение. Таким образом, смена руководства

Оренбургского края еще на год задержало строительные работы по возведению укрепления Джулек.

Программа действий возобновилась лишь в начале 1861 года. Так, командующий Сырдарьинской военной линией генерал-лейтенант А.О. Дебу, от 2-го февраля 1861 года, направил рапорт оренбургскому генерал-губернатору А.П. Безаку, в котором подробно информировал о начавшейся подготовке к строительству Джулек. Дебу доложил о проведенных предварительных мерах, в частности о заготовке местных строительных материалов — камыша, осоки, древесины — и изготовлении необходимых принадлежностей для будущих зданий укрепления. В рапорте сообщается о прибытии в форт Перовский 28 января инженерного офицера — гвардейского штаб-капитана Бажанова, которому поручено руководство инженерной частью подготовки: выбор и прием леса, снабжение инструментами и производство основных строительных элементов. Отдельно была обозначена логистика проекта. Для речной транспортировки в районе Джулека планировалось задействовать два парохода, три баржи, три шлюпа и одну будару. Для сухопутных перевозок предусматривалось до 120 повозок [15, Л. 81-82 об.].

В апреле 1861-го года, начальник Джулекского отряда А.О. Дебу сообщил А.П. Безаку о выступлении военного отряда. Пехота с частью конницы под командой майора Темникова и рабочая команда башкир под начальством капитана Бибикова соединились на урочище Мамасеит, откуда по прибытию также выступил отряд султана подполковника Илекея Касымова для охраны рабочего эшелона [15, Л. 116-117]. Параллельно с этим, казахская разведка уведомляло обо всех движениях самих кокандцев, пристально наблюдавших за передвижением Джулекского отряда. Прибывший из Туркестана в форт Перовский казахский лазутчик докладывал, что кокандцы *«всяческий стараются разузнавать о движении русского отряда»*, и что из Яны-Кургана, укрепления находящийся в 30-ти верстах от Джулека, в направлении форт Перовский было выслано шесть конных солдат, которым было предписано Яныкурганским беком *«наблюдать за проезжающими и захватывать людей подозрительных»* [18, Л. 93-93 об.].

Строительные работы по возведению укрепления Джулек продолжалось до августа. В течений этих пяти месяцев осуществлялось передвижение рабочих сил, по 700 человек ежедневно, из форта Перовский к Джулеку и обратно. Обеспечением безопасности рабочих колонн занимался султан Илекей Касымов, в отряде которого насчитывалось 115 конных казахов [15, Л. 154-155]. Вместе с тем, генерал-лейтенант Дебу регулярно получал от казахских лазутчиков информации касательно политической обстановки в Туркестане и в Яны-Кургане, близость которых представляли потенциальную угрозу для позиции джулекского отряда.

Так в лагерь при крепости Джулек из Яны-Кургана прибыл казах кипчакского рода Джарек Баимбетов, который доложил Дебу, что Яны-Курган посетил туркестанский бек и начал подправлять стены крепости [19, Л. 54-55]. Также для расспросов проходящих купцов и караван-башиев Дебу послал казахов в Каратауские горы находящийся между Туркестаном и Аулие-Ата. По сведениям

прибывших оттуда лазутчиков, стало известно, что кипчакский би Нармухаммед должен был выступить из Туркестана к Яны-Кургану, с той целью *«чтоб защищать Яны-Курган, если русские вздумают идти на эту крепость, или чтоб не допустить конрадцев, кочующих в горах близ Яны-Кургана, предаться к русским»* [18, Л. 94-94 об.].

Между тем, согласно разведывательным данным, полученным генерал-лейтенантом Дебу от казахских лазутчиков, захваченных ранее кокандскими пикетами, в Туркестане сосредоточено около 3.000 человек вооружённых сил под командованием кипчака Нармухаммеда, и о намерении кокандского командования направить силы в сторону укрепления Джулек, в связи с чем, казахским родам находящимся близ Туркестана был отдан приказ о сборе верблюдов для транспортировки. Наконец, сведения от казахской агентуры указывали, что бек Туркестана Шадман-ходжа планировал направить в сторону укрепления Джулек и форта Перовский отряд под руководством юзбаша с целью получения информации о составе, целях и задачах русского военного контингента, дислоцированного в Джулеке. [18, Л. 113-114].

Распространяемые слухи о подготовке атак и мобилизации войск, не получили фактического подтверждения. Российское командование, обладая разведывательными сведениями, оценивало их с высокой степенью осторожности, осознавая, как возможность дезинформации, так и необходимость готовности к любому развитию событий. Несмотря на всю тревожность полученной информации и вопреки ожиданиям на кокандское наступления, строительство укрепления Джулек было завершено успешно без каких-либо внешних угроз со стороны противника.

2 сентября 1861 года, командующий Сырдарьинской линией генерал-лейтенант Дебу направил рапорт командиру Оренбургского отдельного корпуса А.П. Безаку о завершении строительства укрепления Джулек. Генерал Дебу отметил, что успешное окончание строительства стало возможным благодаря усердию, сплочённости и добровольному стремлению солдат и офицеров выполнить поставленную задачу, в том числе помощь со стороны местных казахов, добровольно вызвавшихся участвовать в работах [15, Л. 266-267 об.]. Самим генерал-губернатором А.П. Безаком, были лично награждены аульные начальники участвовавших в рекогносцировках при отряде штабс-капитана Л.Л. Мейера [20, Л. 51]. Таким образом, несмотря на сложные условия, строительство важного укрепления Джулек было завершено досрочно и стало примером успешной военной и инженерной работы в приграничных условиях

Таким образом, разрушенное в 1853 году укрепление, на протяжении десятилетнего периода, трансформировалось в важнейший военно-логистический пункт, из которого выходят передовые отряды русской армии. Джулек становится ключевой опорной точкой для наступательных операций в направлении Ташкента, а также — стратегическим узлом в вопросе соединения Оренбургской и Сибирской пограничных линий. Не случайно все три маршрута, предложенные подполковником Верёвкиным для реализации плана территориального соединения и утверждения российской границы в Центральной Азии, проходили именно через Джулек. В записке подполковника Веревкина от 2 января 1863 г.

адресованное оренбургскому генерал-губернатору Александру Павловичу Безаку предлагались три возможных маршрута для соединения этих территорий.

Первый вариант – от Джулека по Сырдарье, через Ташкент, Аулие-Ату, далее к Мерке и Пишпеку. Этот маршрут был выгоден с политической точки зрения, так как позволял укрепить влияние России на Бухару и в целом на Центральную Азию.

Второй вариант считался более простым: овладеть Туркестаном со стороны Сырдарьи и Аулие-Атой – со стороны Сибири. Соединение с сибирскими постами планировалось провести по дороге от Джулека или форта Перовского вдоль северного склона Каратау, через крепости Сузак, Чулак-Курган, и Сары-Ходжа, которых предполагалось занять после захвата Туркестана.

Третий вариант – провести линию от Джулека к северо-западной оконечности Каратау, а затем по самому хребту до Аулие-Аты. В этом случае сибирские войска закреплялись бы в Аулие-Ате, а Сырдарьинские – захватывали бы Сузак и Чулак-Курган. Хотя этот маршрут, по замечанию Веревкина считался лёгким, пользы от него ожидалось немного [21, Л. 11-12].

В следствие чего, к началу 1863 года, в результате полного функционирования Джулека в качестве полноценного военного форпоста, главной задачей русского правительства стало завершения соединение Оренбургской военной линии с границами Западной Сибири, путем продвижения из Джулека через кокандские укрепления Аулие-Ата, Чимкент, Мерке и Ташкент, с последующим укреплением линии с русским укреплением Верное.

Уже весной 1863 года, из Джулека вышел отряд полковника М.Г. Черняева, с целью рекогносцировки местности от самого Джулека до Туркестана. С отрядом 200 казаков и 106 казахов при 6-ти орудиях и 2 ракетных станках, отряд перешел по северную сторону каратауских гор, по направлению к Сузаку [22, Л. 227-227 об.]. Одновременно с этим, полковником А.И. Бутаковым, для изучения верхней части Сыр-Дарьи, из Джулека было выслано рекогносцировочный отряд из топографов, матросов и стрелков, снабженные боевыми ракетами [23, Л. 1]. Участник рекогносцировки, полковник оренбургского казачьего войска Федор Лобысевич писал: *«Из Джулека мы вышли 1-го июля... для прикрытия пароходов... Целью рекогносцировки было, как говорят, исследования возможности соединить линию сыр-дарьинскую с линией сибирской...»* [24, с. 409.]

Спустя два года по завершению поставленных перед Петербургом вышеизложенных задач, новый оренбургский генерал-губернатор Николай Андреевич Крыжановский, в своем отчете адресованном военному министру Д.А. Милютину, по итогам поездки в Ташкент в октябре 1865 года, подчеркнул, что соединение линии через Джулек с укреплением Верное оказалось выгодным не только для Петербурга, но и для самих кочующих казахов, способствуя стабилизации обстановки в местах их кочевков. Как пишет Крыжановский: *«Соединение военной линии Джулека с Верным оказалось делом чрезвычайно важным и полезным. На всех станциях, где я остановился съезжались казахи благодарить в лице моем Правительство за проведение линий. Со времени установление ее они нашли в Каратауских горах по обеим их покатосям*

богатые и главное безопасные летние кочевки, а по всему берегу р. Сыр-Дарьи покойные зимовки» [25, Л. 1].

Заключение

История укрепления Джулек наглядно демонстрирует, как локальные географические пункты в условиях имперской экспансии обретают стратегическое значение, обусловленное не столько их внутренним потенциалом, сколько ролью в более широкой системе военно-административного контроля и логистики. На протяжении 1850–1860-х годов значение Джулека последовательно возрастало: от заброшенного кокандского укрепления до ключевого звена в реализации одного из важнейших геополитических проектов Российской империи — соединения Сырдарьинской и Сибирской линий.

Именно в Джулеке, как показывают архивные данные и планы военного командования, началась практическая реализация военной программы основанное для выхода к Ташкенту и утверждения российской власти в Кокандском ханстве. Джулек стал не только военным опорным пунктом, но и символом перехода Российской империи от оборонительной тактики к активной наступательной политике на южных рубежах. Включение Джулека в стратегическое планирование русской армии, подтверждают необходимость дальнейшего комплексного изучения подобных форпостов и укреплений как элементов не только военной, но и политико-административной истории присоединения Средней Азии к составу Российской империи.

Благодарности

Исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № АР19676769): *«Логистика военных походов Российской империи в казахскую степь и Туркестанский край: влияние и последствия для казахского общества».*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Клаузевиц К. фон.* О войне. Санкт-Петербург: Эксмо, Мидгард, 2007. – 861 с.
- [2] *Венюков М.И.* Заметки о степных походах в Средней Азии // Военный сборник, №12, 1860. С. 269-289.
- [3] *ЦГА РК.* Ф. 338. Оп. 1. Д. 660. Л. 4-4 об. Л. 9-9 об.
- [4] *Макшеев А.* Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. Санкт-Петербург, 1896 г. – 257 с.
- [5] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Том 1. СПб: Тип. В.В. Комарова, 1906 г. – 511 с.
- [6] *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). Москва: Наука, 1965 г. – 471 с.
- [7] *Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863-1864 / Под ред. Л. Г. Захаровой. – Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2003 г. – 688 с.

- [8] *Игнатъев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. Санкт-Петербург, 1897 г. – 278 с.
- [9] *Попов А.Л.* Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки. 1940 г. №9.
- [10] *Залесов Н.Г.* Записки // Русская старина. Г. 34. Т. 115. Кн. 7-8, июль-август. – Тип. «Общественная польза». Санкт-Петербург, 1903 г. – 480 с.
- [11] *ЦГА РК.* Ф. 4. Оп. 1. Д. 3701. Л. 140–141 об.
- [12] *РГВИА.* Ф. 1441. Оп. 1. Д. 87. Л. 46.
- [13] *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857-1868). – Москва: Издательство восточной литературы, 1960 г. – 272 с.
- [14] *РГВИА.* Ф. 483. Оп. 1. Д. 51. Л. 4-5 об.
- [15] *РГВИА.* Ф. 1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 24-27. Л. 81-82 об. Л. 116-117. Л. 154-155. Л. 266-267 об.
- [16] *РГВИА.* Ф. 483. Оп. 1. Д. 53. Л. 56.
- [17] *РГВИА.* Ф. 67. Оп. 1. Д. 122. Л. 58-67 об.
- [18] *ЦГА РК.* Ф. 383. Оп. 1. Д. 113. Л. 25-25 об. Л. 93-93 об. Л. 94-94 об. Л. 113-114.
- [19] *РГВИА.* Ф. 1441. Оп. 1. Д. 119. Л. 54-55.
- [20] *РГВИА.* Ф. 1441. Оп. 1. Д. 120. Л. 51.
- [21] *ЦГА РК.* Ф. 382. Оп. 1. Д. 47. Л. 11-12.
- [22] *РГВИА.* Ф. 483. Оп. 1. Д. 62. Л. 227-227 об.
- [23] *ЦГА РК.* Ф. Ф. 3. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.
- [24] *Лобысевич Ф.* Сыр-Дарьинская линия // Военный сборник. Год 7, август. Санкт-Петербург, 1864 г. №8. С. 397-410.
- [25] *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 10. Д. 8034. Л. 1.

REFERENCES

- [1] Klauzevits K. fon. (2007) O voine [On War]. Sankt-Peterburg: Eksmo, Midgard. – 861 p. [in Russian].
- [2] Venyukov M.I. (1860) Zametki o stepnykh pokhodakh v Srednei Azii [Notes on Steppe Campaigns in Central Asia] // Voennyi sbornik, No. 12, pp. 269–289. [in Russian].
- [3] TsGA RK. F. 338. Op. 1. D. 660. L. 4–4 об., 9–9 об. [in Russian].
- [4] Maksheev A. (1896) Puteshestviia po kirgizskim stepiam i Turkestanskomu kraiu [Travels through the Kyrgyz Steppes and Turkestan Region]. Sankt-Peterburg. – 257 p. [in Russian].
- [5] Terent'ev M.A. (1906) Istoriia zavoevaniia Srednei Azii. Tom 1 [The History of the Conquest of Central Asia. Vol. 1]. Sankt-Peterburg: Tip. V.V. Komarova. – 511 p. [in Russian].
- [6] Khalfin N.A. (1965) Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.) [Annexation of Central Asia to Russia (1860s–1890s)]. Moskva: Nauka. – 471 p. [in Russian].
- [7] Miliutin D.A. (2003) Vospominaniia general-fel'dmarshala grafa Dmitriia Alekseevicha Miliutina, 1863–1864 [Memoirs of General Field Marshal Count Dmitrii

Alekseevich Miliutin, 1863–1864] / Ed. L.G. Zakharova. Moskva: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia. – 688 p. [in Russian].

[8] Ignat'ev N.P. (1897) Missiia v Khivu i Bukhary v 1858 g. fligel'-adiutanta polkovnika N. Ignat'eva [Mission to Khiva and Bukhara in 1858 by Colonel N. Ignatyev]. Sankt-Peterburg. – 278 p. [in Russian].

[9] Popov A.L. (1940) Iz istorii zavoevaniia Srednei Azii [From the History of the Conquest of Central Asia] // Istoricheskie zapiski, No. 9. [in Russian].

[10] Zalesov N.G. (1903) Zapiski [Notes] // Russkaia starina. G. 34. T. 115. Kn. 7–8, iiul'–avgust. Sankt-Peterburg: Tip. "Obshchestvennaia pol'za". – 480 p. [in Russian].

[11] TsGA RK. F. 4. Op. 1. D. 3701. L. 140–141 ob. [in Russian].

[12] RGVIA. F. 1441. Op. 1. D. 87. L. 46. [in Russian].

[13] Khalfin N.A. (1960) Politika Rossii v Srednei Azii (1857–1868) [Russia's Policy in Central Asia (1857–1868)]. Moskva: Izd-vo vostochnoi literatury. – 272 p. [in Russian].

[14] RGVIA. F. 483. Op. 1. D. 51. L. 4–5 ob. [in Russian].

[15] RGVIA. F. 1441. Op. 1. D. 116. L. 24–27, 81–82 ob., 116–117, 154–155, 266–267 ob. [in Russian].

[16] RGVIA. F. 483. Op. 1. D. 53. L. 56. [in Russian].

[17] RGVIA. F. 67. Op. 1. D. 122. L. 58–67 ob. [in Russian].

[18] TsGA RK. F. 383. Op. 1. D. 113. L. 25–25 ob., 93–93 ob., 94–94 ob., 113–114. [in Russian].

[19] RGVIA. F. 1441. Op. 1. D. 119. L. 54–55. [in Russian].

[20] RGVIA. F. 1441. Op. 1. D. 120. L. 51. [in Russian].

[21] TsGA RK. F. 382. Op. 1. D. 47. L. 11–12. [in Russian].

[22] RGVIA. F. 483. Op. 1. D. 62. L. 227–227 ob. [in Russian].

[23] TsGA RK. F. 3. Op. 1. D. 222. L. 1. [in Russian].

[24] Lobvsevich F. (1864) Syr-Dar'inskaia liniia [The Syr-Darya Line] // Voennyi sbornik. God 7, avgust, No. 8. Sankt-Peterburg. pp. 397–410. [in Russian].

[25] GAOO. F. 6. Op. 10. D. 8034. L. 1. [in Russian].

Абдуалы А.Б., Тоқболат С.Т., Рахметулла Ш.Т.

ҚОҒАН БЕКІНІСІ ЖҮЛЕКТІҢ 1858-1861 ЖЖ. РЕСЕЙ ӘСКЕРЛЕРІНІҢ ТҮРКІСТАН ӨңІРІНЕ ЖЫЛЖУЫНДАҒЫ РӨЛІ

Аңдатпа. Мақалада 1858-1861 жылдар аралығында Ресей империясының Түркістан өңіріне ілгерілеуі контекстінде қоғандық Жүлек бекінісінің әскери-стратегиялық және саяси маңызы талданады. Архивтік деректер, мемуарлық және ғылыми әдебиет, сондай-ақ әскери тұлғалардың жазбалары негізінде Жүлек бекінісінің Сырдария және Сібір әскери желілерін біріктіру жолындағы империялық стратегияны іске асырудағы маңызды рөлі зерттеледі. Қазақ ақсүйектерінің Ресей әскерлерін ақпараттық және логистикалық қамтамасыз ету ісіндегі белсенді қатысуына ерекше назар аударылады. Мақалада Жүлек тек жәй бекініс ретінде емес, Ташкентті басып алуға бағытталған үлкен жорықтың барысын айқындаған маңызды әскери-инфрақұрылымдық тірек нүктесі ретінде қарастырылады. Сондықтан бұл зерттеу тарихнамада мұндай бекіністердің

маңызын көрсетпеуі Орталық Азиядағы империялық жаулап алуға қатысты көзқарасты қайта қарауды қажет ететінін дәлелдейді.

Кілт сөздер: Жүлек, Ақмешіт; Ресей империясы; Түркістан өлкесі; әскери логистика; дала соғысы; қазақ элитасы; қазақ сұлтандары; тыншылық; Қоқанд хандығы; дала жорығы.

Abdualy A.B., Tokbolat S.T., Rakhmetulla Sh.T.

THE ROLE OF THE KOKAND FORTRESS JULEK IN THE ADVANCE OF RUSSIAN FORCES INTO THE TURKESTAN REGION (1858–1861)

Annotation. The article analyzes the military-strategic and political significance of the Kokand fortress Julek in the context of the Russian Empire's advance into the Turkestan during the years 1858-1861. Based on the examination of archival sources, memoirs, scholarly literature, by military and administrative officials, the study investigates Julek's role as a key link in the implementation of the imperial strategy to unite the Syr Darya and Siberian lines. Special attention is paid to the involvement of the Kazakh tribal aristocracy and intelligence networks, which actively assisted Russian forces by providing logistical and informational support for the campaigns. The article argues that Julek should not be viewed as a peripheral outpost but rather as a crucial element of military infrastructure that determined the success of the subsequent advance on Tashkent. The study demonstrates that the traditional historiographical underestimation of such fortresses calls for a revision of prevailing interpretations of the mechanisms of imperial expansion in Central Asia.

Key words: Julek; Ak-Mechet; Russian Empire; Turkestan Region; military logistics; steppe warfare; Kazakh elite; Kazakh sultans; reconnaissance; Kokand Khanate; steppe campaigns.